

Радий Погдин

Я ДОГОНЮ ВАС
НА НЕБЕСАХ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
П 43

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Погодин Р.

П 43 Я догоню вас на небесах : роман, повести, рассказы / Радий Погодин. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 928 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-31862-5

Писатель Радий Погодин пережил в жизни многое — умирал в блокадном Ленинграде, воевал (награжден орденами — двумя Славы и двумя Красной Звезды), в боях дошел до Берлина (его блокадные и военные впечатления легли в основу автобиографического романа «Я догоню вас на небесах», одной из лучших книг в нашей литературе о войне и Ленинградской блокаде), после войны попал во «враги народа» и отмотал срок в лагере по печально известной статье УК... Вот такой был у него «богатый» жизненный опыт. В литературу Погодин пришел в 1950-х. Начинать с книг для детей: «Кирпичные острова», «Рассказы о веселых людях и хорошей погоде», «Трень-брень»... Позже, в 1970–1980-е, в его произведениях, даже в детских, все чаще и все отчетливее звучит тема войны, и для писателя с его биографией это очень понятно — прошлое возвращается, уже в книгах. Но что важно: несмотря на пережитое, книги Погодина наполнены теплым светом и добротой. А еще он умеет подбирать и расставлять слова так, что происходит чудо — то обыкновенное чудо, когда слова в книге начинают играть, светиться всеми красками жизни, отзываясь в сердце читателя.

Кроме романа «Я догоню вас на небесах», одной из вершин в творчестве писателя, в настоящий том полностью вошел цикл полуреалистических-полуфантастических повестей и рассказов о Василии Егорове, художнике и солдате («Река»), и другие лучшие образцы погодинской прозы.

В августе 2025 года отмечалось столетие со дня рождения мастера, и эта книга — наша дань памяти замечательному писателю, художнику, человеку.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Р. П. Погодин (наследник), 2026
© А. В. Етоев, статья, 2024
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-31862-5

ВНЕ ВОЗРАСТА И РАЗМЕРА ШЛЯПЫ

О Радии Погодине и его книгах

Прежде чем писать о писателе, начну-ка я, пожалуй, с презумпции. То есть с такого предположения, которое, как сказано в Википедии, «считается истинным до тех пор, пока ложность такого предположения не будет бесспорно доказана».

Бывает презумпция невиновности, сейчас она меня не интересует. И бывает презумпция гениальности, о ней-то и пойдет речь.

Так вот, писатель Радий Погодин — светлый гений русской литературы. Это я говорю сознательно, поскольку уже долгое время читаю все подряд его книжки и уже наметил на будущее, в каком порядке буду их перечитывать. Это моя презумпция.

И пора привести цитату. Вот, пожалуйста, привожу. Про хулигана Витю из повести «Мальчик с гусями», который, когда он вырастет, мечтает стать... Космонавтом? А вот вам нетушки — великаном! Знаете почему? Внимательно вчитайтесь в отрывок, который я даю ниже, в хулиганских рассуждениях Вити заключен глубочайший смысл:

— Великану много работы... — Мальчишка помедлил, почесал обгоревший нос. — Поспевай только... — Он беззвучно зашевелил губами, вероятно, перечислял про себя возможные для великана дела, потому что сказал вдруг: — Можно и наклонившись. Или корабль попал в шторм. Матросы из сил выбиваются. Волна поверх неба. К кораблю спасателям не пробиться. Погибель. Смотрят матросы-герои, я к ним иду. Мне что — мое дело такое... В горах тоже много работы.

— Тоннели сверлить?

Мальчишка посмотрел на нее подозрительно. Помолчал. Потом объяснил тихо:

— Снежные люди совсем погибают. У них кормов мало.

— Вот как? — Наташа примерила бусы, все еще не решив, оставить себе или вернуть их Боброву. — Каким же ты будешь?

Мальчишка показал на пунцовую тучку, что проплывала вдоль горизонта.

— Она мне будет по пояс. — И вдруг погрузнел. Прижался к Наташе и зашептал: — Я только чего боюсь? Насчет зайцев. Они же будут для меня все равно что блохи. Я же их не замечу. И ежеиков...

— Да? — усмехнулась Наташа. — Вот видишь... — Ей хотелось знать, как смотрятся бусы на желтой нейлоновой безрукавке. Наверное, хорошо.

— А может быть, шаг у меня будет громкий, они издали услышат и успеют...

— Кто?

— Ну, звери.

Работа и милосердие!

В мире это главные вещи.

Если ты, человек разумный, не выучил это правило в раннем детстве, то, сколько ты на свете ни проживи, останешься дубиной стоеросовой и засохнешь под звездным светом, до какого бы немислимого объема ни развил ты свой необъятный ум.

Писателя Радия Погодина я не встретил в жизни ни разу. Я и Юрия Ковалю не встретил в жизни ни разу. И Виктора Голявкина, и Драгунского. И Пушкина, увы, я не встретил, хотя ходил с ним по одним улицам.

Зато я встретил их книги. И если б я их не встретил, честно скажу: жизнь моя зачахла бы, как пальма в привокзальном буфете.

Хотя, возможно, это и к лучшему, что я не встретился в жизни ни с кем из перечисленных авторов. Может, кто-нибудь из них детей кушал, как Бармалей из мультфильма:

Мне не надо ни мармелада, ни шоколада,
А только маленьких детей...

И потом, чтобы оправдаться на Суде Божьем, написал пару хороших книжек. А что, вполне может быть. Книга и сочинитель, написавший нам эту книгу, могут различаться, как карлик и великан. Или как Мальчиш-Плохиш и Мальчиш-Кибальчиш у Гай-

дара. Уж на что мне нравится проза, скажем, Ильи Укропова, а посмотришь, как маслится его борода от стекающих по усам капель, когда он закусывает селедкой свою ежевечернюю рюмку в распивочной на Стремянной улице, так четырежды подумаешь перед тем, как откроешь его новую книгу.

Все же думаю, что к Погодину рассуждение мое не относится. Посмотрите на его фотографии, а еще лучше на живописный автопортрет — тот, где он в красном (не пионерском) галстуке и с короной, парящей над головой, а между головой и короной приютился желтый цыпленок. Человек, пригревший цыпленка, и не где-нибудь, а на своей голове, не станет заниматься антропo-фагией.

Тем более если он прошел страшную военную мясорубку и чудом уцелел перед этим в первую блокадную зиму (в марте 1942 года его вывезли на Урал, а с августа 1943-го будущий писатель на фронте).

Одно из главных сочинений Погодина — поздний, «взрослый», роман «Я догоню вас на небесах». Книга автобиографическая, в ней писатель написал о себе, о войне, о смерти, о том, чем жил и как выжил. Хотя по большому счету темой «человек и война» пропитана вся проза писателя — исключений не очень много, — и даже в произведениях «мирных», где о войне можно не говорить, нет-нет да и проплывет облаком память о фронтовых грозах.

Начинается роман так: «Я не боюсь смерти. Не боюсь позора. Не боюсь казаться смешным. Я боюсь дня. Боюсь города, где я нищий. Я боюсь нищеты. Город мой неопрятен...»

Это точно в такт с моим сердцем. Я, сегодняшний, думаю то же самое. Тоже боюсь быть нищим. И не боюсь казаться смешным.

Далее уже про войну: «И я иду на войну. И в детство, где я был богат. Под голубое небо, пробитое пулями, но еще не потрескавшееся, как пережженная гербовая эмаль».

Я родился через восемь лет после победы и слышал много рассказов тех, кто выдержал военное испытание, которое навязал нам Гитлер. В конце 50-х мы играли в войну чаще, чем в дворовый футбол, она еще не называлась дурацким словом «войнушка», и спроси меня тогда, кого я больше всех ненавижу, я бы честно сказал: «Фашистов». Я бы и сейчас так ответил.

Военная проза Погодина крепкая и чистая, как фронтовой спирт.

Солдаты пили спирт из алюминиевых мятых кружек с закопченным дном. Старшина получил спирт за все прошлые месяцы сразу — в пивных бутылках. Возить столько стекла ему было не с руки, да и не на чем, и он раздал весь спирт солдатам. Некоторые говорили, что старшина поступил неправильно, что нужно его пустить под суд. Но он поступил правильно: все молодые солдаты, а их в роте было более двух третей, отравились и на долгое время потеряли охоту к вину, даже к разговорам о винопитии. А вина было много — Румыния. Спирт не давали, не давали и — нате вам — выдали.

Башковитые старики придумали следующее: как только молодой обслюнявленный солдатик, улыбаясь, падал, они легохонько с прибаутками отбирали у него бутылку, сливали спирт в канистру и ухмылялись, как коты.

Не могу удержаться и не процитировать еще один «спиртовой» отрывок:

Потом Пе отглотнул из бутылки еще глоток, уже весело и бесшабашно, и упал в воронку, мягкую, как илистый берег, — от пашни шел запах талой воды, — поднялся на локте, ласково оглядел поле, вытер нос грязной рукой, устроился в воронке поудобнее и уснул, похожий на шкварку в ржаном тесте. Взрыв рядом присыпал его всходами пшеницы, как укропом.

Выше я написал про автопортрет. Погодин был еще живописец. Не знаю, когда он впервые взял в руки кисть — должно быть, сразу после войны, — но проза его, любая, даже эта, биографическая, напоминает живописное полотно.

Человек, «похожий на шкварку в ржаном тесте». Нет, товарищи, каково?! А «взрыв... присыпал его всходами пшеницы, как укропом»? Сразу представляешь картину.

Теперь о взрывах, воронках. Бомбами нас, советских, шагавших по дорогам Европы в победоносном сорок пятом году, забрасывали не немецкие летчики — верней, не одни немецкие. Погодина и его товарищей бомбили итальянские «макаронники» с легких бомбардировщиков «капрони» (Погодин в книге называет их «Каприни-Капрони»). Это сейчас все немцы, а тогда любой

школьник знал, что на юге фашиствовали румыны, на севере и Ладогe — финны. Фашизм не знает национальности, и не Гитлер его придумал.

Я неспроста так долго топчусь на военной теме. Мир меняется, и память уходит вместе со свидетелями военных дней. Да и свидетельства, нам оставленные, некоторые ревнители «исторической правды» подбирают нынче такие, где победители превращаются в побежденных, и сама победа России подается как ее поражение, а миллионы погибших представляются погибшими сдуру: надо было не воевать под Сталиным, а сдаться на милость свастики — и жили бы теперь припеваючи, как в свободной Америке и Европе.

Нет, конечно, нельзя жить единственно прошлым, презрительно поплеывая на современность. От этого человек черствеет и превращается в Кощея Бессмертного, готово раздавить любого, кто посягает на отеческие гробы. Погодин говорил о таких: «Посмотрите на тех, кто прибавил войну к своему возрасту, — они быстро состарились, превратив свою жизнь в служение прошлому и ничего не ожидая от будущего, кроме признания в непомерной прогрессии их заслуг перед Родиной, считая уже само собой пребывание в армии актом беспримерного подвига».

Но надо же ведь также и понимать, что, обнуляя и искажая память, живя только днем сегодняшним, мы тем самым обращаем свое беспамятство на пользу мировой пустоте, превращаемся в Ванек, родства не помнящих и пляшущих под любую дудку.

Погодин, говоря о войне, намеренно не пишет о героизме. Война у него — работа. Черная, изматывающая, злая, но единственно необходимая из работ, ибо что было в ту пору необходимее, чем чаемая людьми победа? Если нужно было взять языка, перерезать фашисту глотку, вонзить в его сердце нож, делали это, не рефлексировав, без оглядки на слезливую совесть. Враг есть враг и должен умереть первым. А родина — это родина и должна выжить и победить.

Писательница Мария Семёнова рассказывала, что Радий Погодин (на фронте он воевал в разведке во 2-й танковой армии, с нею и дошел до Берлина) в устной беседе с ней, когда они заговорили о героизме, высказался неожиданно откровенно. Работу фронтового разведчика он сроднил с «профессией» уголовника. Действовали тихо, без выстрелов, работали ножом или финкой.

Это благородные рыцари вставали в позу и бросали перчатку. А когда тайком проникаешь во вражеское пулеметное гнездо или в окоп противника, действуешь стремительно, не раздумывая, чтобы никто из немцев не успел позвать на помощь своих и выстрелами не предупредил неприятеля.

А перед фронтом была блокада. Тема трудная и тяжелая, но для нас, в душе ленинградцев, она как заноза в памяти, с которой невозможно сродниться, но извлеки ее оттуда щипцами — и мы перестанем быть.

Нужно было еще подняться на третий этаж. Этот прием давно отработан. Берешь ногу руками повыше колена, ставишь ее на ступеньку и, опираясь на колено руками, распрямляешься. И снова ставишь ногу руками на следующую ступеньку. И так все выше, и выше, и выше...

Когда я вошел в свою комнату, мне навстречу из зеркала с золоченой рамой шагнуло чудовище с красными рачьими глазами и посиневшим голым черепом. Шапку я почему-то снял перед дверью. Глаза мои вылезли из орбит не фигурально, но просто вылезли. Они торчали. Они висели, как две громадные вишни, — белков не было. Только черный зрачок посреди красного.

Я не упал. Я опустился на колени. Прежде чем упасть, мне хотелось поправить глаза — засунуть их обратно в глазницы. Но на это у меня не хватило сил.

Не дай бог кому-нибудь испытать подобное. Радий Погодин испытал. Выжил. Бог его миловал.

Он пишет, что блокада ему не снилась никогда. Объяснение приводя такое:

Даже во сне, даже через боль, растормаживающую сознание, мозг не захотел пропустить меня в блокадную память... Блокада не конструктивна — я говорю о чувствах, — потому и реконструкции не поддается. Можно написать пьесу по поводу блокады, но не о страданиях и не о ее сути. Драматургия — самодвижение. Блокада — неподвижность. Суэта подмешивает в рассказ о блокаде желание оправдаться. Также и обилие деталей. Глаз не выхватывал мелочей — глаз держался за сущности: хлеб, печурка, вода, дрова...

Горе, боль были притуплены — иначе разве кто-нибудь это выдержал бы.

Погодин довоевал до Берлина. Награжден двумя орденами Славы, двумя — Красной Звезды. Это не считая медалей. Но ни ордена, ни медали не удерживали простодушного человека от слова, сказанного в сердцах, да еще не при тех ушах, при которых его стоит произносить.

После войны меня понесло по стране: остановиться не мог. Менял города, осваивал профессии. Наконец осел вроде — в Москве, в пожарной охране. Призвания к огню не было, просто там кормили. Так я и начал печататься в газете «Боевой сигнал» — это была пожарная многотиражка в Москве. Печатал заметки с художественным уклоном. Да, уже тогда меня на художества тянуло. И рисовал неплохо... Вышло в 1946 году постановление ЦК по работе литературных журналов. И — статья Жданова. Как приказали, редактор нашего «Боевого сигнала», майор, собрал корреспондентов — и штатных и нештатных — и все это нам прочитали вслух. Люди молчали. А я почему-то нашел для себя возможным сказать: «Жданова через двадцать лет никто и помнить не будет, а Зоценко и Ахматова как были великими писателями русскими, так и останутся». Ночью ко мне пришел единственный в газете вольнонаемный литсотрудник и сказал, что лучше бы мне Москву покинуть, так как майор подал рапорт обо мне в политотдел. Утром я из Москвы ушел. Скрывался. Ездил по стране...

Перебью этот отчет Погодина следующей цитатой. В эпоху тотальной бдительности (а от 48-го года до минувшего военного пятилетия прошло не так уж много времени, чтобы из голов жителей победившей в войне страны не выветрились строки инструкции, обязательные для всех и каждого) слова эти знали все:

Беженцы, слепцы, гадалки, добродушные с виду старушки, даже подростки — нередко используются гитлеровцами для того, чтобы разведать наши военные секреты, выяснить расположение наших частей, направления, по которым продвигаются резервы. Одним из методов, наиболее излюбленных немцами, является засылка лазутчиков под видом раненых, бежавших из плена, пострадавших от оккупантов, вырвавшихся из окружения и т. п.

Понимаете теперь, как непросто было ездить Погодину по стране? Поэтому:

Вести такую жизнь я мог бы очень долго: все-таки бывший разведчик. Но решил эту баланду не тянуть. От чувства заганности устал, надо было от него освободиться. Не чувствовал я себя преступником, прятаться было тошно. И приехал я в Ленинград. Стал жить у отца. Успел немного поработать штамповщиком. Пришли...

Короче, статья 58, пункт 10: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений... Карается высшей мерой социальной защиты — расстрелом или объявлением врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества».

Расстрела, слава богу, Погодин счастливо избежал, дали ему пять лет лагерей, из пяти он оттрубил неполные три года (два года четыре месяца) и вернулся в Ленинград, туда, откуда ушел, на свой Васильевский остров. Был апрель 50-го. Примерно с этого времени он и начал заниматься писательством.

Какую писатели ведут жизнь? Насыщенную, конечно. Погодин писал книгу за книгой. Юрий Герман и Алексей (Леонид) Пантелеев рекомендовали его в Союз писателей. Приняли. И это понятно. Если в писательском Союзе присутствуют такие странные имена, как Плюгавин и Долбак-Мухлинович, отметившиеся в русской литературе примерно тем же, чем отмечают мухи свое пребывание на стенах общественного туалета, то уж автору «Муравьиного масла», «Кирпичных островов» и «Рассказов о веселых людях и хорошей погоде» самим Богом было назначено осчастливить этот самый Союз.

И как-то так повернулось, что писал он в основном про детей, то есть числился писателем детским (хотя книг для людей взрослых написано им тоже немало, особенно в последние годы). А какой уважающий себя детский писатель не писал сказок? Даже

Илья Укропов, о котором я упомянул выше, сочинил сказку про волчье ухо, хотя лучше бы он этого не делал — детей пожалел.

Вот и Радий Погодин написал их где-то с десятков.

Самый полный сказочный сборник, куда попало, кажется, все, что Погодин сочинил в жанре сказки (кроме повести «Шаг с крыши» и цикла коротких сказок «Про девочку Полечку и ее одинокую жизнь», написанного в 1992-м, предпоследнем году жизни писателя; и еще я не считаю за сказочные ряд рассказов и повестей, в которых некоторым животным писатель дал ответственную задачу говорить человеческим голосом), вышел в 1989 году в ленинградском отделении «Детской литературы». «Земля имеет форму репы» — называется эта книга, проиллюстрированная митьком Флоренским. Придумай я такое название, я три дня бы ходил счастливый, высоко подбрасывал шапку и напевал бы себе под нос: «Ай да я, ай да сукин сын!»

Однажды по просьбе Доры Борисовны Колпаковой, замечательного детгизовского редактора, начинавшей еще при Чевычелове, рыцаре советской цензуры, про которого Маршак написал:

Чево, чево, Чевычелов,
Чево, чево ты вычитал,
Чево, чево ты вычеркнул,
Чевычелов, Чевычелов... —

я подготовил главу для двухтомной «Истории ленинградского „Детгиза“», до сих пор так и не вышедшей. Глава называется «Детгиз фантастический», говорится в ней о фантастике, об авторах, работавших в этом жанре, которых издавали в «Детгизе». Есть там несколько абзацев и про Погодина. Вот они:

Радий Погодин. Вот уж кому я всегда завидовал доброй завистью, так это ему. За умение давать своим книгам совершенно удивительные названия. «Земля имеет форму репы». «Включите северное сияние». «Лазоревый петух моего детства».

С фантастикой, тем более научной, проза Погодина точек соприкосновения не имеет. У него сказка, а не фантастика. Чем сказка отличается от фантастики? Тем, что в сказке чудо не объясняется. Чудо есть чудо и не требует объяснений. Когда чудо пытаются объяснить — это уже фантастика. В сказке «По щучьему

велению» все понятно и так. Но когда под ее сюжет начинают подводить научную базу, придумывают какие-нибудь волны, меняющие физическую природу мира и заставляющие рыб говорить, то это уже фантастика. Научная — научнее не бывает.

Язык Погодина тоже сказочный. Вот послушайте:

Тогда я пошел в первый класс. По холмистым полям. Сквозь степенное жито. Через речку Студенушку — по двум жердочкам.

Шел под небом, таким голубым, которое, кроме детей, видится матерям в еще неразгаданных глазах новорожденного да сморненным войной солдатам...

Так начинается его сказка «Лазоревый петух моего детства».

Вчитайтесь в эту прозу. Здесь что ни слово — фантастика. Ведь настоящая фантастика не в сюжете. Она в словах, в умении расставить их так, чтобы вышел не годовой отчет о проделанной культурной работе, а чтобы случилось чудо и слова запели и заиграли, резонируя с сердцами читателей.

Не удержусь, еще приведу отрывочек из Погодина, из сказочного рассказа со сказочным названием «Земля имеет форму репы»:

И она вошла. Стройная как обелиск.

Тогда встал Яшка Кошкин. Спросил:

— На Марсе есть жизнь?

— Есть, — сказала она.

— А на Венере?

— Само собой. Уж я-то знаю.

Тогда поднялся Ковалев Петя.

— Ты не могла бы показать нам форму Земли средствами математики?

— С удовольствием. Если учесть массу, жидкое ядро, скорость вращения вокруг оси и вокруг Солнца, а также влияние различных сил галактического и общевселенского характера, квазаров, белых карликов и черных дыр... — Вожатая разрумянилась. Задумавшись, она мазала себе мелом кончик носа. А когда закончила писать уравнение, отошла от доски и полюбовалась. — Вот, все сказанное учтя, мы можем отчетливо видеть, что Земля имеет форму репы.

— Ты видишь? — спросила она Петю.

Петя сообразил, мол, видит, но не отчетливо, у него очки запотели.

Надеюсь, не у всех читателей очки запотели, а если у кого-то и запотели, то, надеюсь, этот читатель протрет их вовремя мягкой тряпочкой и увидит, какой удивительной формы планета Радий Погодин.

Но лучшее, что есть у Погодина, все же не сказки. В сказках он... ну, не знаю. Они у него... да, хорошие. «Маков Цвет». «Где ты, Гдетыгдеты?» (куда вошли замечательные сказочные истории про жеребенка Мишу, мышонка Терентия и зверя Индрика), «Турнир в королевстве Фиофигас»... Но они... как бы это мягче сказать, чтобы никого не обидеть? Они как детские пирамидки. Когда нанизываешь на стержень кольца — желтое на красное, синее на зеленое — и радуешься тому, как пестро у тебя получается. Сцепление событий в этих сказках необязательное. Замени желтое колечко зеленым, и выйдет так же пестро, как до замены. Может быть, так и нужно. Дети, когда строят дворцы из кубиков, вряд ли думают об архитектуре своих строений. Как сложится, так и сложится. Какой кубик под руку подвернулся, такой и сделался опорой для следующего.

Чего не скажешь о его прозе не сказочной — детской и особенно взрослой. Руку на сердце положи, она у него волшебнее сказок.

Вот повесть о Русском Севере «Включите северное сияние», маленький отрывочек из начала:

В школе-интернате на втором этаже, в комнате номер пятнадцать, проживал Соколов Ленька, ученик третьего класса. Имелись у него в комнате шкаф, стол, радиоприемник, портрет космонавта, картинки из жизни животного мира, зеркало, стулья и две железные кровати, застланные малиновыми одеялами. Была у Леньки в комнате муха, которая по какой-то причине не заснула на зиму, но подолгу сидела в каком-нибудь углу. Потом, обалдев от тоски, громко и быстро летела через всю комнату и снова садилась дремать. Мухой Ленька очень гордился. Еще была у Леньки родная сестра Наташка. Правда, жила она в другой комнате, этажом выше, но сейчас находилась у Леньки в гостях... Наташкой Ленька гордился редко, чаще бывал на нее сердит...

А теперь разберем, как на уроке литературы, что же здесь такого волшебного. Вроде бы никаких красот, никаких гордо реющих буревестников над седой пучиной моря и гиперболоидов инженера Гарина, стреляющих смертельным лучом. Есть муха, обалдевшая от тоски, есть Ленька, сестра Наташка... Но вот в этой как бы обыденности, в этом инвентарном перечислении предметов Ленькиной комнаты, в этой мухе, бодрствующей зимой, и заключается волшебство прозы, ее повышенная художественность. Не понимаете? Скажу по-другому. Заставить читателя улыбнуться, не прибегая к сложным приемам, простыми средствами подарить улыбку — разве это не волшебство? Если вы и сейчас не поняли, то займитесь лучше вязанием, или вышиванием крестиком, или шерсть из кота вычесывайте, а на мои разъяснения наплюйте.

Самое место признаться в том, что Радий Погодин не был писателем моего детства. Я в те годы читал всякую шпионскую ерунду вроде «Приключений майора Пронина» и романа «Тарантул». И ничуть о том не жалею, даже наоборот. Не прочитай я этих книжек тогда, сегодня я бы точно не стал тратить на них свое бесценное время, которого чем дольше живешь, тем меньше становится. Скажу больше: чем позже в круг твоих читательских интересов входят книги хороших авторов, тем ярче ощущаешь контраст между плохой и хорошей книгой.

Лучшая похвала книге — постоянное обращение к ней, частое ее перечитывание. Не все то, что читалось в детстве, захочешь перечитывать в зрелости. А вот то, что запало в зрелости, останется в тебе навсегда. И Погодина, открытого мной не то чтоб очень давно, я уже поставил без колебаний на мою золотую полку рядом с Диккенсом, «Гекльберри Финном», Уильямом Сарояном, Фазилем Искандером, Юрием Ковалем и еще полусотней самых близких моих друзей. «Красные лошади», «Живи, солдат», «Кирпичные острова», «Где леший живет?», «Мальчик с гусями», «Я догоню вас на небесах», цикл повестей и рассказов о солдате и художнике Василии Егорове с человечнейшим рассказом «Одинокая на ветру» и страннейшей из странных и удивительнейшей из удивительных повестью «Борьба с формализмом»... Это будет читаться и перечитываться.

Погодин не дожил до семидесяти. Работал до последнего, успел много, несмотря на болезнь и две перенесенные операции. Ушел из жизни 30 марта 1993 года, похоронен на Волковском кладбище в Петербурге.

Мой карандаш сберегался, как волшебная палочка для будущих чудес. Он, конечно, в свое время стерся, я его изрисовал. Только глупые не понимают, что волшебная палочка, как и карандаш, после каждого волшебства становится чуть-чуть короче и наконец прекращает быть.

Хорошую историю о Погодине рассказала мне Мария Семёнова, про нее я упомянул мельком в военной части этого очерка. Идут они со знакомой с творческого вечера Радия Петровича в Доме писателя, тогда еще не сгоревшем. Знакомая говорит Семёновой, что Радий Петрович удивился, почему она к нему не подошла после вечера, расстроился даже. «Как это не подошла? — в свою очередь удивилась писательница. — Подошла, и мы с ним чуть не полчаса говорили». И потом, возвращаясь домой в автобусе, сильно переживала, что пусть невольно, пусть по его забывчивости, но расстроила замечательного человека. «И вдруг, — рассказывает Семёнова, — я слышу, как в ухо мне льется знакомый голос: „Брось, не переживай, с кем не бывает“. Радий Петрович, голос принадлежал Погодину. «Оборачиваюсь — никого, только незнакомые пассажиры». Вот такая таинственная история. А через несколько месяцев после этого случая Радия Петровича не стало. И Дом писателя в том же году сгорел.

В периодической системе русской литературы Радий Погодин — элемент редкий.

Я уж не говорю о том, что он первый в мире определил правильную форму нашей планеты (Земля имеет форму репы, вы помните) и для этого ему не понадобилось наблюдать за планетой сверху, как Юрию Гагарину или Белке и Стрелке.

Я уж не говорю о том, что писатель, кроме формы Земли, дал единственно верное объяснение тому богатству ее животного мира, которое мы имеем и которое не умеем ценить («...когда-то давно, много-много лет назад, когда все люди были детьми, когда деньгами служили разноцветные стеклышки, земля была свежая

и молодая, такая мягкая, такая пушистая и такая духовитая, как горячий хлеб. И вот на ее поразительный запах слетелись со всей вселенной букашки, и лошади, и слоны, и киты, и медведи, и черепахи. Слетелись — и теперь на земле обитают» — «Книжка про Гришку»).

Редкий он потому, что очень хорошо понимал: к какому бы литературному берегу писателя ни прибило, он всегда должен помнить четко: детская литература, не детская — если ты хороший писатель, то пишешь без оглядки на возраст. Не дело, как говорил мудрец, лысому усатому дядьке писать, сидя на корточках, чтобы свой динозаврий возраст подлаживать под возраст ребенка. Писать нужно вне возраста и размера шляпы. Только такая литература останется в читательском космосе. Все прочее — пицца ватерклозета.

Александр Етоев

**Я ДОГОНЮ ВАС
НА НЕБЕСАХ**

Роман

Я не боюсь смерти. Не боюсь позора. Не боюсь казаться смешным. Я боюсь дня. Боюсь города, где я нищий. Я боюсь нищеты. Город мой неопрятен.

Я просыпаюсь рано. Лежу и боюсь — страх свивается у меня под сердцем во сне.

Начинает говорить радио. О перестройке. О катастрофах. Нынче многие умирают в немыслимых катастрофах. Это лучше — по крайней мере, не скучно. Молодых жалко.

Включаю телевизор. Телевидение показывает катастрофы и видеоклипы. Видеоклипы очень похожи на катастрофы.

За окном город. Он на грани истерики. Со всего украдено. От всего откушено.

Мы станем сильными и подлинно великими, когда весь мир пройдет сквозь нас. Мир уже прошел сквозь нас. Оставил холод в наших сердцах.

Я подхожу к окну, чтобы взглянуть на небо, далекое и голубое. Говорят, оно в трещинах.

Старые немыслимые петербуржцы влачат по улицам ампирическую мораль и потому, что сами они уже далеко позади греха, тычут ею в лицо молодым. Грех на медном коне обогнал стариков, обскакал орденосцев и комсомол. Дети его догонят и обратят в свою пользу. Старики не пускают детей. Но понимают, что удерживать их нельзя. Дети рвутся вперед. Старики пытаются придержать их рассказами о войне.

Ко мне приходит Писатель Пе, мой фронтовой друг. Он приходит не каждый божий день, но все же часто. Он говорит: «Брось думать о небе. Ты же сильный мужик. При стечении обстоятельств мог бы стать кандидатом наук. Радуйся. Мы, старик, весело жили.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Етоев. Вне возраста и размера шляпы</i>	
<i>О Радиш Погодине и его книгах</i>	5
Я ДОГОНЮ ВАС НА НЕБЕСАХ	
<i>Роман</i>	19
РЕКА. Повести и рассказы о Василии Егорове, художнике и солдате	
<i>Мост. Повесть</i>	271
<i>Больш. Повесть</i>	303
<i>Яблоки. Рассказ</i>	444
<i>Рояль в избе. Рассказ</i>	472
<i>Белый Лес. Рассказ</i>	482
<i>Одинокая на ветру. Рассказ</i>	498
<i>Полнолуние. Рассказ</i>	543
<i>Борьба с формализмом. Повесть</i>	560
ВКЛЮЧИТЕ СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ. Повести и рассказы	
<i>Лазоревый петух моего детства. Рассказ о себе</i>	629
<i>Включите северное сияние. Повесть об одном длинном дне</i>	637
<i>Мальчик с гусями. Описание поселка Горбы</i> <i>с дополнениями и примечаниями</i>	703
<i>Где леший живет? Повесть в рассказах</i>	739
<i>Живи, солдат. Маленькая повесть о войне</i>	859
<i>Красные лошади. Повесть о рисованных лошадях и живой собаке</i>	902

РАДИЙ ПЕТРОВИЧ ПОГОДИН
Я ДОГОНЮ ВАС НА НЕБЕСАХ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Полина Малышева, Анна Быстрова, Наталья Бобкова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 06.02.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 56,84. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ARI-41139-01-R